

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ДЖОН ЧАСТИН

Джон Частин

Краткая история Латинской Америки

Серия «Города и люди»

https://litres.ru/70968904
Хроники кипящей крови. Краткая история Латинской Америки: 1;
ISBN 978-5-389-26250-8

Аннотация

<p>Латиноамериканский континент объединяет двадцать стран и 9% жителей Земли, культуру цивилизации майя и наследие европейской колонизации. Нередко оставаясь в тени Европы, Латинская Америка тем не менее может похвастаться своими героями: освободитель Симон Боливар, революционер Че Гевара, знаменитая художница Фрида Кало и многие другие. Американский исследователь Джон Частин знакомит нас с бурной историей уникального континента, от первых кораблей европейцев до современных политических интриг. Переплетая социальную, культурную и экологическую историю, Частин создает яркий портрет Латинской Америки с ее тропическими лесами и фавелами, Амазонкой и Андами, карнавалами и Днем мертвых. Из книги вы узнаете, что случилось с цивилизациями ацтеков и инков, как на континенте сформировалось рабство и с какими вызовами сталкиваются современные

латиноамериканские страны. Джон Частин открывает нам мир Латинской Америки с его противоречиями и самобытным колоритом. «Чтобы понять Латинскую Америку, нужно понять ее историю. Вот о чем вся эта книга» (Джон Частин).
 В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Хронология 7
1 12
Не та, что раньше 18
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Джон Чарльз Частин
Хроники кипящей крови
Краткая история Латинской Америки

Вам, Майя и Сэм Аккерманы, моим внукам, только начинающим знакомство со своими латиноамериканскими корнями

Уместить историю более чем 20 разных стран за 400-летний период всего на 300 страницах – сложная задача. Но Джон Частин замечательно с ней справился. Это краткое и хорошо написанное исследование знакомит читателей с историческими событиями и сложностями этого огромного континента.

Library Journal

Это прекрасное введение в историю Латинской Америки… Частин умеет обобщать, не опуская при этом слишком многого.

Американский историк Родольфо Акуна (Калифорнийский государственный университет)

Краткий, но проницательный анализ региона.

Booklist

Частин сосредоточивается на основных политических, социальных и экономических темах и тенденциях, которые сформировали Латинскую Америку. От славных и кровавых битв за независимость до надежды на будущее истинной демократии. Это всеобъемлющее исследование.

Publisher's Weekly

© 2016, 2011, 2006, 2001 by W. W. Norton & Company, Inc.

© Кедрова М.В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024

КоЛибри®

Хронология

	МЕКСИКА	БРАЗИЛИЯ	АРГЕНТИНА
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ 1492–1600	Оседлый народ мешика построил Ацтекскую империю, которую сменила власть испанцев-завоевателей. Но все же кровь мешика по-прежнему течет в жилах мексиканцев.	Полукочевой народ тупи[1], населявший бразильские леса, был уничтожен. Основной рабочей силой стали африканские рабы, которых привезли португальцы для выращивания сахарного тростника.	Кочевники пампасы — жители равнин — были в конечном счете истреблены полностью. Гораздо позже их место заняли европейские иммигранты.
КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ 1600–1810	Многочисленность коренного населения и богатые месторождения серебра сделали Мексику (бóльшую ее часть) основным направлением испанской колонизации.	Благодаря прибыльным сахарным плантациям северо-восточное побережье стало ядром португальской колонизации, но бóльшая часть Бразилии все так же прозябала в нищете.	Большая часть Аргентины оставалась на периферии испанской колонизации до 1776 года, когда Буэнос-Айрес стал столицей нового испанского вице-королевства.
НЕЗАВИСИМОСТЬ 1810–1825	Масштабные восстания под предводительством Идальго и Морелоса напугали мексиканских креолов, заставив их занять консервативную позицию в отношении независимости, которую они поддержали только в 1821 году.	Пока в испанских владениях бушевала война, в Бразилии было тихо благодаря присутствию португальской королевской семьи. Принц Педру лично провозгласил независимость Бразилии в 1822 году.	В Буэнос-Айресе рабов и угнетенных коренных жителей было настолько меньше, что креолы не испытывали такого страха перед ними и поддержали Майскую революцию (1810).

	МЕКСИКА	БРАЗИЛИЯ	АРГЕНТИНА
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ БЛЮЗ 1825–1850	В ходе борьбы за власть в национальном правительстве либералы и консерваторы постоянно свергали друг друга. Общую неразбериху прекрасно отражает карьера каудильо[1] Санта-Анны.	За бурным правлением Педру I (1822–1831) последовало еще более бурное Регентство (1831–1840). Но в 1840-х, когда вырос экспорт кофе, Бразильская империя обрела стабильность.	Почти весь этот период в Буэнос-Айресе (и, следовательно, в бóльшей части Аргентины) правил консервативный диктатор Росас, изгнавший либеральную оппозицию.
ПРОГРЕСС 1850–1880	Либеральные реформы 1850-х вынудили консерваторов поддержать иностранного принца Максимилиана. К концу 1860-х либералы во главе с Хуаресом одержали полную победу.	Педру II (1840–1889) осторожно продвигал либерализм, сохраняя при этом жесткую иерархическую систему. Бразилия отменила рабство только в 1888 году.	После бегства Росаса (1852) к власти пришли либералы, но объединить Аргентину и создать единое национальное правительство удалось только в 1860-х.
НЕОКОЛОНИАЛИЗМ 1880–1930	Диктатура Порфирио Диаса (Порфириат, 1876–1911) возродила в Мексике колониализм. Диас привлек международные инвестиции и использовал их для консолидации мексиканского государства.	Первая Бразильская республика (1889–1930) представляла собой крайне децентрализованную олигархию, которая держалась в основном на экспорте кофе. Сан-Паулу, лидировавший по производству кофе, доминировал и в политике.	Буэнос-Айрес и прилегающие районы пережили сельскохозяйственный и иммиграционный бум. Региональные олигархии оставались у власти до выборов 1916 года.

[1] Caudillo *(исп.)* – политический лидер, обладающий неограниченной властью, диктатор. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.

	МЕКСИКА	БРАЗИЛИЯ	АРГЕНТИНА
НАЦИОНАЛИЗМ 1910–1945	В 1910 году Мексиканская революция возглавила националистическую тенденцию в Латинской Америке. Ее главным достижением стало президентство Ласаро Карденаса (1934–1940).	Бразильский национализм в этот период определил Жетулиу Варгас (президент в 1930–1935). В 1937-м Варгас распустил Конгресс и сформировал авторитарное правительство — Эстадо Ново.	Выборы привели к власти Гражданский радикальный союз. Партия вытеснила землевладельческую олигархию, но погрязла в традиционном протекционизме.
РЕВОЛЮЦИЯ 1945–1960	Революционные настроения в Мексике стали более консервативными и институционализированными (ИРП — Институционально-революционная партия), в отличие от других стран.	Популизм и электоральное влияние профсоюзов (Варгаса, а затем его наследников) после Второй мировой войны активизировали бразильскую политику.	Хуан и Эвита Перон (1946–1955) сделали рабочий класс ведущей силой в аргентинской политике. Последователи Перона и после его изгнания довольно долго оставались верны его курсу.
РЕАКЦИЯ 1960–1990	Для противостояния левым ИРП в основном использовала революционные изображения и образы, кроме случаев, когда в ход шли пули (Резня Тлателолько 1968 года).	В 1964-м бразильская военная хунта свергла популистского президента Гуларта и в течение 20 лет проводила политику эффективности и антикоммунизма.	Захватив власть в Аргентине в 1966 году, военная диктатура успешно вела «грязную войну» против перонистских партизан, но в 1983-м проиграла Британии в Фолклендской войне и ушла со сцены.
НЕОЛИБЕРАЛИЗМ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ 1990–2015	После окончания холодной войны ИРП избавилась от большей части националистического наследия, приняв неолибера-	Левоцентристская Партия трудящихся, косвенная наследница партии Варгаса, показала миру, что с Бразилией нужно	На фоне неуклонного снижения уровня жизни доминируют перонистская политика и неолиберальная эко-

1
Добро пожаловать в Латинскую Америку

Латинская Америка была рождена в крови и огне, в завоеваниях и рабстве. Именно завоевания и их неизбежное следствие – рабство – создали центральный конфликт латиноамериканской истории. С него и должен начинаться любой рассказ об этом регионе. С другой стороны, завоевания и рабство – позавчерашние новости, в каком-то смысле «пыльная история» и ничего больше. В 2016 году Латинская Америка уже не та, что раньше.

Тем не менее именно завоевания и колонизация образуют отправную точку повествования, ради которого написана эта книга. Истории нужны не только наглядные примеры, но и единая сюжетная линия: от быстро сменяющихся картин у кого угодно голова закружится. И, кроме того, мы должны подготовить почву. Например, стоит сначала задаться вопросом, действительно ли у двух десятков стран может быть единая история. На первый взгляд в этом можно усомниться, стоит только подумать обо всем, что необходимо охватить, обо всех контрастах и парадоксах современной Латинской Америки.

Латинская Америка – часть глобального Юга, который до

сих пор пытается хотя бы приблизиться к уровню жизни Европы или США. Она пронизана культурами коренных народов, и в наши дни большинство коренных американцев живут, безусловно, именно к югу от Рио-Гранде. Однако Латинская Америка – это еще и Запад, девять из десяти жителей которого говорят на европейском языке и исповедуют европейскую религию. Большинство католиков в мире – латиноамериканцы, и, конечно же, отчасти с этим связано избрание в 2013 году первого неевропейского папы римского – аргентинца.

Здесь до сих пор выращивают кукурузу и бобы на крошечных участках, расчищенных среди банановых зарослей, и живут в домах с земляными полами и просевшими крышами из красной черепицы. Иностранцы-путешественники редко видят эти поселки за огромными мегаполисами: между ними пролегают многие километры совершенно ужасных дорог. Современные латиноамериканцы в наши дни по большей части живут в шумных и беспокойных городах, постмодернистских мегаполисах вроде Буэнос-Айреса, Сан-Паулу и Мехико. Эти гиганты давно преодолели отметку в 10 миллионов жителей; Рио-де-Жанейро, Лима и Богота отстают едва ли на шаг.

Теперь взглянем на контрасты. Бразилия – левиафан, захвативший почти половину континента, ее население превышает 200 миллионов человек, за ней следует Мексика с населением около 120 миллионов, и благодаря растущим

внутренним рынкам в экономике этих стран даже появились собственные транснациональные корпорации. Во второй ряд встают Колумбия, Аргентина, Перу и Венесуэла с населением 30–50 миллионов человек. Чили с населением 17 миллионов выделяется среди прочих непропорционально большим экономическим весом за счет высокого уровня жизни. Остальные латиноамериканцы – примерно четверть общего числа – проживают в дюжине суверенных государств, из которых ни одно (или почти ни одно) не дотягивает до 10 миллионов человек. Так что самые крупные латиноамериканские страны можно назвать глобальными игроками (пусть и не такими, как Китай или Индия), тогда как остальные представляют собой буквально мини-государства с одним значимым городом и двумя-тремя основными магистралями.

Климат и ландшафт Латинской Америки различаются сильнее, чем вы можете себе представить. Большая ее часть находится в тропиках, лишенных четкого разделения сезонов. Как правило, читатели из стран глобального Севера при мысли о Латинской Америке представляют себе пляжи, утыканные пальмами. Прибрежные низменности действительно в основном соответствуют такому описанию, но этот «взгляд туриста» обманчив. Огромную роль в истории Латинской Америки сыграли засушливые и холодные высокогорья. Мехико построен на 7000 футов над уровнем моря, Богота – выше 8000. История этих мест сложилась так, что латиноамериканские горы сейчас – самые населенные в мире. Меж тем

Чили, Аргентина и Уругвай – так называемый Южный конус Южной Америки – лежат частично или полностью за пределами тропиков, и климат там недалек от климата в некоторых областях США. Наконец, скалистая южная оконечность континента – и вовсе земля ледников и антарктического влияния.

В социальном плане Латинская Америка – царство крайнего неравенства. И между странами, и в пределах каждой из них разрыв в богатстве и благополучии огромен. Многие латиноамериканцы живут и работают почти в таких же условиях, что и американский средний класс. Но тех, кто по-прежнему живет в лачугах и терпит лишения, крайне редкие в развитом мире, намного больше. Страны Южного конуса долгое время удерживали весьма достойное место в мировых рейтингах социального развития, часть латиноамериканских стран и сейчас занимает позиции в середине мирового рейтинга по совокупности показателей образования, продолжительности жизни и покупательной способности населения. Однако маленькие страны Центральной Америки, исключая разве что Коста-Рику, находятся в гораздо худшем положении, как и страны с преобладанием исторически угнетенных коренных народов – например Гватемала и Боливия.

Расовое разнообразие Латинской Америки, пожалуй, уникально: население каждой страны несет в себе европейские гены, африканские и гены местных народностей и возможных сочетаний – бесчисленное множество. Для Гватемалы

и Боливии, наряду с Перу и Эквадором, обычное явление – большие группы коренных жителей, по-прежнему говорящих на родных языках, таких как ке́чуа и аймара, и сохраняющих особые обычаи в еде и одежде. Такие группы живут более-менее отдельно от испаноговорящих. Африканские гены преобладают в Бразилии и на побережье Карибского моря: три с половиной века подавляющее большинство людей, обращенных в рабство, везли из Африки именно сюда. Соединенные Штаты приняли и усвоили около 523 000 порабощенных иммигрантов, тогда как на одну только Кубу ввезли больше, а в Бразилию – по меньшей мере 3,5 миллиона человек. А кое-где в Латинской Америке почти все выглядят как европейцы, прежде всего – в тех странах, куда в начале XX века перебралось множество итальянцев, например в Аргентине и Уругвае. Большинство латиноамериканцев считают себя в той или иной степени «людьми смешанной расы» – метисами, и это одно из ключевых понятий в истории Латинской Америки.

Но вернемся к первоначальному вопросу: действительно ли эти 20 стран в их поразительной разнородности имеют единую историю? Нет – ведь одна история не может охватить их многообразие. Да – потому что у них много общего. Эти страны пережили сходные завоевания и колонизацию, получили независимость более или менее одними путями и в основном в одно и то же время, боролись с одними и теми же проблемами одними и теми же способами. Оглядываясь

на два столетия независимости, мы по всему региону можем видеть похожие тенденции – отчетливые приливы и отливы.

Не та, что раньше

И в последнее время мы видим именно прилив. Огромные изменения произошли в Латинской Америке за 40 лет, миновавших с тех пор, как я впервые побывал там в разгар холодной войны. Да, молодежь, это было до интернета! Во многих странах Латинской Америки телефоны и почта работали плохо или не работали вообще. О ежедневной связи с США не было и речи. Полное погружение.

Порой накатывало даже ощущение безвременья, когда в окне междугороднего автобуса мелькали случайные ослики или повозки, запряженные волами. Редко где в сельских домах были электричество или водопровод. Я как будто оказался на территории – или во временах феодализма, где царили крупные землевладельцы, жившие, впрочем, в городах, довольно-таки далеко от своих феодов. Здешние бедняки были удивительно изолированны, хотя питались вполне неплохо, особенно по сравнению с городской беднотой. Я помню, как провел несколько ночей в Андах, в доме на склоне горы, куда было не добраться ни на каком транспорте – он стоял в 10–15 минутах подъема от дороги. Семья, которая жила там, узнавала время по солнцу и автобусам, которые два-три раза в день проезжали по дороге, пересекавшей зияющую пропасть далеко внизу. Вокруг росло невообразимое разнообразие фруктов, но до любого магазина было по меньшей мере

полдня пути.

Люди из сельской местности хлынули в города за десятилетия до моего приезда, хотя строилось тогда только импровизированное жилье, да и его сооружали сами мигранты. В разгар холодной войны городские пейзажи Латинской Америки по-прежнему напоминали 1940-е или 1950-е годы. Городская инфраструктура ограничивалась парой более-менее крупных сооружений, а торговых центров чаще всего вообще не было. В продаже почти не было американских товаров, потому что высокие пошлины сделали их слишком дорогими практически для всех: таким образом предполагалось защитить и поддержать местную промышленность. Уже можно было видеть, как растет импорт из Азии, хотя пока не из Китая – ему еще только предстояло стать здесь серьезной фигурой. Китай периода холодной войны был Китаем Мао, где люди носили только синее, ездили только на велосипедах, а фабрики были делом будущего. Высокие пошлины означали, что импортные блендеры, телевизоры и магнитофоны приходилось ввозить контрабандой или продавать в точках «свободной торговли», подконтрольных тем из локальных правительств, которые признали неизбежное. До наступления эры дешевых азиатских мануфактур миллионы нищих жителей Латинской Америки шили одежду вручную, и часто казалось, что она вот-вот разорвется по швам, как первые штаны, которые мне сшил в Колумбии портной, работавший сидя в дверях своего магазина размером с приличный шкаф.

Улицы городов не были, как сейчас, застроены франшизами американских фаст-фудов и запружены автомобилями, которые для большинства оставались слишком дорогими. Не было нужды в законах, запрещающих определенным автомобилям (например, с нечетными номерами) ездить по дорогам в определенные дни или часы, как это сделано сейчас из-за явной нехватки места на улицах. Зато хватало автобусов с рыгающими дизельными моторами. Инновационная система автобусного сообщения с выделенными высокоскоростными полосами (впервые реализованная в Бразилии, в городе Куритиба, а теперь работающая и в других крупных городах) существовала только на бумаге. В самых богатых районах были супермаркеты, но мало кто покупал там хоть что-нибудь: для бытовых товаров и сельхозпродукции существовали рынки, а для повседневных нужд – мелкие магазинчики и пекарни. В целом средний класс Латинской Америки был тогда не столь многочислен и гораздо менее американизирован, чем сегодня. Сильные торговые блоки, такие как НАФТА и МЕРКОСУР, появятся лишь через несколько десятилетий.

До 1990-х ни у кого не было мобильного телефона, а у большинства не было телефонов вообще. Затем использование мобильников в латиноамериканских городах резко выросло – как раз потому, что всегда и везде не хватало стационарных аппаратов. По крайней мере, в Колумбии, где я впервые арендовал жилье, телефон в доме либо был со дня по-

стройки, либо его не было, и точка. Во втором случае о подключении можно было забыть сразу: государственные телефонные компании прокладывали новые линии крайне редко. Дома сдавались в аренду, покупались и продавались с существующими линиями. Дом с телефоном, очевидно, стоил дороже. Точно так же до эпохи пластиковых цифровых часов любые наручные часы были предметом роскоши и знаком престижа. Порой люди носили часы, которые не показывали время, просто для поддержания имиджа. Казалось, не больше пары человек во всем городе пользуется кредитными картами, пристегивает ремни безопасности, имеет страховку и беспокоится о своем питании (за исключением женщин, волнующихся за фигуру). Никто не слышал о мультикультурализме или угрозах тропическому лесу. Социология была для революционеров, психология – для безумцев. Денежные переводы от родственников, работающих в США, еще не были основным источником дохода. Мексиканская иммиграция в Соединенные Штаты росла, но еще не стала повальной, а иммиграция из Центральной Америки едва началась. Крупные города, конечно, уже стали известными горячими точками, но в целом уличной преступности было еще далеко до уровня последних десятилетий.

Да, это были старые добрые времена – во всяком случае, для меня. По тому, как люди относились ко мне, я понимал, что стал лучше выглядеть. Я научился при встрече обнимать приятелей и пожимать руки их подружкам. Отношения меж-

ду мужчинами и женщинами казались мне очень старомодными и стилизованными. Моими первыми попытками флирта на испанском языке добросовестно руководили младшие сестры, которым было поручено за мной присматривать. К счастью, от них можно было откупиться деньгами на эскимо или – еще лучше – на кино. Девушки тогда, по крайней мере в Мексике, по-прежнему охотно участвовали в ритуальных вечерних прогулках, когда люди описывали круги по городской площади в одном и в другом направлении, время от времени меняясь, так что в конце концов все видели всех. Днем в парке было полно скамеек, занятых целующимися подростками, потому что у молодых людей не было машин. (Погодите-ка, а вот это, может, так и осталось?) Вечерним встречам, напротив, полагалось происходить у девушки, под бдительным оком ее семьи, но не в самом доме, а в дверях, или даже – хотя это даже тогда считалось довольно старомодным – у окна: он снаружи, она внутри, между ними кованые прутья решетки. Компаньонский брак (тот, что строится на совместимости пары) отнюдь не прозябал в безвестности, но, похоже, не пользовался популярностью. Мужская неверность была скорее правилом, чем исключением. Я не уверен, что в этих вопросах изменилось хоть что-нибудь. Разве что в наши дни женщины из среднего класса с гораздо большей вероятностью будут ходить на работу, а мужья из среднего класса с большей вероятностью согласятся (по крайней мере, в теории) с необходимостью делить домашние обязанности.

Модель мышления 40 лет назад была невероятно консервативной. Люди редко ходили к мессе, но их католицизм был несомненным и автоматическим. Молодые люди из приличных семей ни в коем случае не сожительствовали до брака. Евангельские христиане, хоть их и становилось понемногу больше, еще не оспаривали повсеместное присутствие католической церкви и публичные проявления религиозной преданности. В совершенно обычных домах совершенно обычных представителей среднего класса жили горничные, получая сущие гроши и обитая в крошечных каморках без окон, причем обращались с ними – жестоко или нет – как с людьми другого сорта. Городские семьи среднего класса с провинциальными корнями могли привезти надежных слуг с собой. Городские девушки, даже очень бедные, как правило, не задерживались в горничных просто потому, что выбора у них было больше, и сообразительные домохозяйки со средствами предпочитали нанимать деревенских девушек, не знающих, чем еще можно заработать, тем более что деревенские слуги считались более честными и трудолюбивыми. В конце концов, однако, даже деревенские девушки находили занятия менее унизительные, чем прислуга. Muchacha[1]

[1] Девушка*(исп.)*. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.